

получили концессии на добычу полезных ископаемых, в том числе нефти, на большой части территории Сомали.

О КОРЫСТИ И БЕСКОРЫСТИИ

Голубой автобус мчится по неширокому асфальтированному шоссе, по обеим сторонам которого расстилаются плантации кукурузы, хлопка, африканского проса — дурры. Иногда на пути встречаются небольшие деревушки, состоящие из нескольких тукулей. Тукуль — это хижина с конусообразной крышей, сооруженная из прутьев, пальмовых листьев и стеблей кукурузы, обмазанных глиной. Изредка попадаются маленькие караваны верблюдов.

Минут через сорок автобус добрался до местечка Афгои в тридцати километрах от Могадишо. Через небольшую рощицу я направился к банановой плантации. Огромные куски сырой красноватой земли прилипали к ботинкам, мешали идти. Впереди сплошной стеной стояли бананы. Вот оно — богатство Сомали, его «зеленое золото», составляющее две трети стоимости всего экспорта страны. Однако подавляющая часть этого золота попадает в карманы владельцев итальянских компаний. Им принадлежат лучшие банановые плантации. В их число входят, например, компания «САИС» («Сочьета агрикола Итало-Сомало»), основанная в 1920 году. Во времена колониального господства итальянцы силой отбирали у африканцев принадлежавшие им земельные наделы. В руках владельцев компании оказались самые плодородные земли.

Плантация раскинулась почти на самом берегу реки Веби-Шебели. И кто бы мог подумать тогда, глядя на ее тихую гладь, что скоро воды Веби-Шебели и Джубы со страшной силой обрушатся на плантации и деревни, чтобы сеять разрушение и смерть. Начавшееся наводнение было для Сомали национальной катастрофой: погибло большое количество скота, на тысячах гектаров земель был уничтожен урожай, десятки тысяч семей лишились крова и средств к существованию.

В те трудные для Сомали дни Советский Союз в числе других стран протянул африканцам руку помощи. Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР направил в адрес сомалийского правительства самолет с грузом продовольствия и медикаментов. Для оказания помощи пострадавшим в республику были срочно направлены советские врачи, которые оставили о себе в Сомали хорошую память, как бескорыстные и внимательные друзья. Губернатор провинции Верхняя Джуба, где работала большая часть врачей, отметил, что они проявили «глубокие чувства самопожертвования и гуманную заботу о пациентах».

* * *

Лишь третий год сомалийский народ живет в условиях свободы и независимости. Но Советский Союз и далекое Сомали уже соединены широкой дорогой — дорогой дружбы. Говоря о советско-сомалийских отношениях, Н. С. Хрущев подчеркнул: «...между Советским Союзом и Сомалийской Республикой установились и успешно развиваются дружественные отношения, основанные на принципах взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела. Имеются широкие возможности для дальнейшего плодотворного развития советско-сомалийских отношений, для успешного экономического сотрудничества между нашими странами на основе равенства и взаимной выгоды».

Город тысячи и одной ночи

П. ДЕМЧЕНКО

ЧТО ЗНАЧИТ СЛОВО «БАГДАД»!

В ЭТОМ году иракская столица — юбилар. Ей исполнилось 1200 лет.

Историки рассказывают, что в 762 году аббасидский халиф Мансур отправился искать место для своей столицы. Он остановился на правом берегу Тигра возле небольшой деревушки. «Здесь я проведу ночь», — сказал он. — Если она окажется прекрасной, это место будет тем, что я искал». Видимо, ночь оказалась «прекрасной», так как вскоре здесь начали строить город.

Другие объясняют дело проще. Там, где сейчас стоит Багдад, Евфрат близко подходит к Тигру. Это и определило выбор: решалась проблема транспорта, снабжения водой и орошения земель. Здесь же скрещивались караванные пути, ведущие из Персии к Средиземному морю, и те, что вели с севера на юг; кроме того, этот район был издавна облюбован окрестными жителями для продажи и обмена скота.

Мансур назвал свою столицу «Городом мира» — по-арабски «Дар ас-Салам». Она быстро застраивалась и вскоре, если верить современникам, превратилась в город несказанной красоты. Память о тех временах сохранилась в сказках «Тысячи и одной ночи». Поэты и историки воспевали столицу Аббасидского халифата, называя ее самой красивой в мире. Мухаммед бен-Али писал, например: «Я объехал верхом на коне и Восток и Запад, но не видел ничего подобного ни Багдаду, ни Тигру».

Время не сохранило для нас построек далекого прошлого, и мы не можем с точностью сказать, были ли эти похвалы преувеличением, или соответствовали действительности. В 1258 году город начисто разрушили полчища монгольского завоевателя Хулагу. Жителей истребляли, уцелевшие покидали насиженные места, спасаясь от эпидемий и голода. На

исходе следующего века на город обрушилось войско Тамерлана. Потом наступили времена турецкого ига.

Не удержалось и имя, данное городу Мансуром. Название старой деревушки оказалось сильнее. Что оно значит? Есть несколько версий. Одна группа исследователей считает, что это название арамейского происхождения. Оно состоит из двух слов: «бейт» (дом) и «кадада» (овцы) — и означает «овечий дом». Слово «Бакдада» упомянуто в одном древнем источнике времен Хаммурапи (XVIII век до н. э.). Возможно, имелся в виду далекий предок нынешнего Багдада, который служил тогда рынком для торговли овцами.

Вторая группа исследователей утверждает, что название иракской столицы происходит от персидских слов «баг» (сад) и «Дад» (имя древнего идола) и, следовательно, может означать «сад идола Дада». Чья версия вернее — трудно судить. Новые открытия, возможно, помогут решить этот спор.

Разрушительные набеги завоевателей лишили нас многих исторических памятников. Со времен Мансура ничего не осталось. Точно не установлено даже место, где он закладывал первые дворцы, мечети, казармы для своих воинов.

И все же памятников старины в городе немало. На окраине Багдада на небольшом кладбище возле железной дороги высится серая конусообразная башня. Ее называют «гробницей Зубейды» — жены Харуна ар-Рашида. Возможно, что это самый древний памятник Багдада, хотя никто из историков того времени не подтверждает, что Зубейда была похоронена именно здесь. Есть также несколько мечетей постройки XII—XVII веков. Одна из них находится в пригороде Казымыйн. Ее купола покрыты чистым золотом. Это шиитская мечеть, вход немусульманам в нее строгойше запрещен. На городском базаре сохранился небольшой минарет аль-Газиль. По архитектуре и строительному материалу он напоминает «гробницу Зубейды»; в археологическом управлении мне сказали, что он может соперничать с ней и по возрасту.

Любитель древностей найдет для себя много интересного в археологическом музее, для которого сейчас строится новое здание. Здесь собраны не только пушки и ядра, отлитые средневековыми арабскими пушкарями, но и ценнейшие археологические находки, обнаруженные при раскопках Вавилона и древней ассирийской столицы Ниневии. Ведь Месопотамия — колыбель одной из самых ранних цивилизаций.

ЖИЗНЬ УЛИЦЫ

История Багдада неотделима от сказок Шахразад. И сейчас еще здесь есть целые районы, где царит дух той далекой эпохи: в узких улочках с трудом может разминуться пара трудолюбивых осликов, обвешанных тюками; плавной походкой проходят женщины, закутанные в черные абайи; с высоких минаретов тянут заунывную песню муэдзины, призывая правоверных на молитву.

Это вчерашний день Багдада; я же хочу вас познакомить с днем сегодняшним. Давайте пройдемся по главной улице иракской столицы, носящей имя Харуна ар-Рашида, чтобы понять, как живет этот город с миллионным населением.

Начинается улица у площади ат-Тахрир, что в переводе значит «освобождение». Когда-то она носила имя иракской королевы, но июльская револю-

ция 1958 года сменила многие названия. Теперь на площади проходят военные парады и демонстрации в дни национальных торжеств.

Завернем за угол — и мы в узком коридоре, зажатом двумя рядами домов. Это и есть улица Рашида, которая тянется вдоль берега Тигра километров на восемь. До последнего времени она была сплошь застроена двух-трехэтажными зданиями, но в последние годы стала менять свой облик. Появляются дома в 10, 12 и даже в 20 этажей в модернистском стиле. Рациональные линии новых построек, порою удачно найденные сочетания стекла и камня не могут не радовать взор. Но они еще плохо вяжутся с восточной архитектурой городского центра, кажутся случайно попавшими сюда из другой эпохи.

С утра до поздней ночи улица Рашида живет шумной, деловой жизнью. Бесконечен поток автомашин — один ряд в каждом направлении. Ехать в несколько рядов не позволяет тесная мостовая. Большая часть легковых машин — западных моделей. И все же нет-нет да и промелькнет среди них шустрый «Москвич». Его встречаешь здесь, как старого знакомого.

Среди обтекаемых лимузинов неуклюжими, старомодными громадинами кажутся красные двухэтажные автобусы, привезенные из Англии. Они курсируют в центре. Связь с окраинными районами и прилегающими деревнями осуществляют «деревяшки» — небольшие обшарпанные машины, напоминающие наши «газики»-санитарки времен Отечественной войны. Кузова их деревянные, за что они и получили свое название. Пассажиров в них набивается как сельдей в бочке. На крыше — багажник, где вместе с чемоданами и мешками везут баранов, индюков, а иногда и узенький гроб, взятый напрокат на время похорон. В общем, коэффициент использования «деревяшек» куда больше 100 процентов. К тому же они несутся всегда на максимальной скорости: от оборота зависит заработок шофера. Красные автобусы, напротив, никуда не спешат: оклады у их водителей постоянные, плюс к этому муниципалитет бесплатно выдает спецодежду.

По краю мостовой шагают босоногие хаммали — носильщики, согнувшиеся под тяжестью тюков или ящиков. Выносливость их поразительна. Один хаммаль без посторонней помощи может перенести на большое расстояние, например, холодильник весом за сто килограммов. Толпы профессиональных хаммалей и босоногих мальчишек с плетеными корзинами за спиной постоянно дежурят в торговых рядах в надежде на заработок.

Перед большими праздниками — такими, как окончание рамадана (ид аль-фитр) или праздник жертв (ид аль-адха), багдадские улицы заполняются стадами овец. Животные чувствуют себя неприязненно в шумном городе, шарахаются из стороны в сторону, мешают транспорту. Но с этим приходится мириться. Горожане быстро раскупают живой товар: ни один праздничный стол не может обойтись без баранины.

По вечерам, когда земля отдыхает от неистового зноя, весь Багдад высыпает на улицы. В кафе, расположенных на открытых верандах и крышах домов, не найдешь свободного места. Большинство посетителей воздерживается от заказа обильного ужина. Маленький стаканчик крепкого чая за 10 филсов дает им возможность час-другой посматреть телевизор, узнать, что пишут газеты, и, конечно, поделиться новостями. К тому же и пойти больше некуда, кроме кинотеатров и нескольких кабаре; иных развлечений в городе нет.

Кафе и сук — большой крытый базар, начинающийся от улицы Рашида, — барометры политической жизни в стране. Это тот беспроволочный телеграф, по которому правдивые новости и сомнительные слухи разносятся с необыкновенной быстротой, тем более, что местные газеты пишут теперь далеко не обо всем, что происходит в стране. Митинги и демонстрации стали редким явлением. Партийная деятельность ограничена настолько, что это дало повод одному иракскому журналисту с грустью заметить: видимо, Ирак — единственная страна на земле, где закон разрешает партийную деятельность, а на деле ни одна партия легально не может работать. Исчезли вывески и с помещений, которые раньше занимали Союз демократической молодежи, Союз иракских женщин, — эти организации тоже в опале у властей.

Тревожные вести долетают до Багдада с севера, из Курдистана. С сентября прошлого года там все время происходят столкновения между войсками и вооруженными отрядами курдов, которыми командует мулла Мустафа Барзани. По слухам, отряды Барзани укрепились в горах в треугольнике, где сходятся границы Турции, Ирана и Ирака. Лидеры движения настаивают на предоставлении иракской части Курдистана независимости в рамках Иракской Республики.

Движение курдов неоднородно. Реакционные феодалы, связанные с действующими в Ираке западными нефтяными компаниями, создали банды и чинят разбой, чтобы еще более осложнить обстановку в стране.

Курдов в Ираке примерно полтора миллиона, то есть пятая часть населения страны. Временная конституция республики, принятая в июле 1958 года, предоставила им равные с арабами права. Однако волна антидемократических мероприятий, поднявшаяся три года назад, практически лишила горцев всех политических прав. С экономической точки зрения они тоже оказались в тяжелом положении, так как на севере резко ощущается земельный голод, а строительство промышленных объектов не предусмотрено.

Известия о репрессиях против курдских племен, поднявшихся на борьбу за свои права, вызвали бурную реакцию иракской общественности, особенно в Багдаде. Несколько групп демократически настроенной интеллигенции направили правительству петиции с призывом решить курдский вопрос мирным путем. Тексты петиций проникли в печать, и их авторам пришлось поплатиться за свою смелость. Восемь известных адвокатов и журналистов были приговорены судом к пяти годам тюрьмы. Весть о приговоре, обогнавшая официальное сообщение, горячо обсуждалась в городских кафе.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В такой стране, как Ирак, где долгие годы хозяйничали иностранные порабителители — сначала турецкие, а потом английские, контрасты неизбежны, но время я бывал в Багдаде каждые четыре-пять месяцев и всегда находил что-нибудь новое.

На одной из городских площадей поднялось красивое бело-розовое полукруглое здание. Это новая автоматическая телефонная станция на 10 тысяч номеров. Она построена иракскими рабочими под руководством советских специалистов. Еще совсем недавно установить в квартире телефон считалось

сложной проблемой, теперь «телефонный голод» в Багдаде преодолен.

На западной окраине города, недалеко от «гробницы Зубейды», недавно введен в строй завод железобетонных изделий, в сооружении которого активное участие приняли советские и венгерские инженеры и техники. Завод будет поставлять шпалы для железной дороги Багдад — Басра, строящейся при активной помощи Советского Союза, телеграфные столбы, блоки для жилых домов.

Во многих районах Багдада под сенью раскидистых пальм столпились глиняные хижинки, где ютится беднота. Убогие лачуги, которые здесь называют сарифами, можно увидеть даже по соседству с дворцами и особняками богачей.

В последние два-три года в Багдаде появились кварталы стандартных кирпичных домиков, которые строятся для офицеров, государственных служащих, работников железных дорог. Эти новые жилые районы с четкой планировкой стали украшением города, но, увы, число сарифов уменьшается очень медленно. А это значит, что бедство крестьян из деревень не прекращается. Земельная реформа, провозглашенная в сентябре 1958 года, не дала тех результатов, на которые рассчитывал народ. По официальным данным, к середине 1962 года землю получило около 30 тысяч семей, хотя общее число безземельных составляло в 1958 году 700 тысяч.

Если говорить о том новом, что пришло в Багдад за годы существования республики, то нельзя не упомянуть и о новых памятниках. Вот памятник Неизвестному солдату на сквере в конце улицы Саадун. Он построен в виде высокой крутой арки и удачно сочетает элементы национальной архитектуры сводов с четкостью модернизма. В первую годовщину свержения монархии премьер-министр Касем зажег под аркой неугасимый огонь. По праздникам сюда приносят букеты цветов, возлагают венки.

Есть в Багдаде еще один монумент. Он поставлен в 1959 году. Упоминаний о нем вы не найдете ни в одном путеводителе; он находится на Кладбище мучеников, что напротив политической тюрьмы, — в одной минуте ходьбы от улицы Рашида.

Среди сотен каменных надгробий, плотно прижавшихся друг к другу, выделяется одно, облицованное белым мрамором. Две молодые пальмы раскинули над ним свои игольчатые ветви. Резец выбил на мраморной плите слова:

«Я умираю коммунистом, коммунизм сильнее смерти!»

И ниже:

«Юсуф Сальман (Фахед) — вождь иракского рабочего класса, генеральный секретарь Коммунистической партии Ирака. Казнен империалистическими палачами в Ираке 14 февраля 1949 года после сфабрикованного ими процесса.

Он шел на виселицу с сердцем, полным веры в правоту дела нашего народа и всего человечества, с уверенностью в их победе».

Эти слова не могут не взять за сердце. Они напоминают о мужестве Зои Космодемьянской, Мусы Джалиля, Юлиуса Фучика. Так же стойко, как они, встретил смерть товарищ Фахед. Когда он поднялся на эшафот, ему хотели завязать глаза, но Фахед отстранил руку палача и произнес слова, высеченные теперь на мраморе.

Могила Фахеда украшена не на деньги, ассигнованные властями. Это сделали сами иракские труженики. Те, что ведут сейчас борьбу против про-исков империалистов и реакционеров, против отсталости и нищеты. Те, чьими делами славился и славен будет город Багдад.